

Встречи, беседы, интервью

ПОСЛЕДНИЙ РАССКАЗ ИСТОРИКА НАУКИ: ИНТЕРВЬЮ Г.Е.ПАВЛОВОЙ (6 ИЮЛЯ 1999 г., ИИЕТ РАН)

20 июля 2000 г. ушел из жизни замечательный человек, выдающийся историк науки, один из старейших сотрудников ИИЕТ РАН Галина Евгеньевна Павлова. 1 октября 1999 г. исполнилось ровно 45 лет, как Галина Евгеньевна переступила порог Института истории естествознания и техники.



Г. Е. Павлова (1925–2000)

Галина Евгеньевна не дожила до своего 75-летия совсем немного. Мы все, чтящие и любящие Галину Евгеньевну, загодя готовились к этой славной дате — 15 октября 2000 г. Среди прочего, была идея взять у нее интервью и затем издать его на страницах ВИЕТ ко дню ее рождения. Кроме того, после долгого отсутствия из-за болезни Галина Евгеньевна и сама, наверное, нуждалась в более активном общении и внимании, и она довольно легко согласилась рассказать о себе.

В начале лета в нашем отделе было многолюдно — на практике работали несколько студентов Российского государственного гуманитарного университета. Все складывалось как нельзя лучше. Мы все расположились в комнате № 39. С одной стороны — Г. Е. Павлова, а с другой — слушатели. Всем присутствующим, особенно студентам, которые, впрочем, со второго курса обязательно знакомятся с работами Г. Е. Павловой, я представил Галину Евгеньевну в следующих нескольких фразах:

«Галина Евгеньевна наш ведущий научный сотрудник, один из ветеранов истории науки. Ее стаж в Институте — 45 лет. Она автор многих известных работ по истории отечественной науки и культуры XVIII–XIX вв., часть из которых переведена на иностранные языки. Галина Евгеньевна — ведущий и лучший специалист по творчеству М. В. Ломоносова и ряда других замечательных русских ученых. Галина Евгеньевна — участник Великой Отечественной войны, пережила блокаду Ленинграда. Она училась у таких замечательных учителей, представителей петербургской школы, классиков отечественной исторической науки, как С. Н. Валк, А. И. Андреев, М. А. Гуковский, А. В. Предтеченский... и сама стала достойным продолжателем их традиций.

Галина Евгеньевна прекрасный человек и добрый товарищ».

После этих слов, которые вызвали некоторые «протестные» реплики со стороны Г. Е. Павловой, я попросил Галину Евгеньевну приступить к рассказу о себе с самого начала — о первых впечатлениях, о родителях, семье, школе.

С. С. Илизаров

Биография у меня не очень богатая, но и не бедная. Я родилась и большую часть своей жизни прожила в Ленинграде. Жили в центре, недалеко от Сенной площади. Училась в средней школе. Школа была у нас не плохая. Находилась она на Плехановской, теперь это улица Казанская. Традиции были богатые, достаточно сказать, что там учился Е. А. Мравинский. Это дореволюционная гимназия, которая стала советской школой. До войны я закончила 8 классов. Началась война. Мне было всего 16 лет. Пришлось идти работать, потому что весь Ленинград был мобилизован.

— *Галина Евгеньевна, Ваши родители тоже родились в Ленинграде?*

Да, мама родилась на Песках, недалеко от Музея Ленина, где он встречался со Сталиным и Аллилуевым. Папа — коренной петербуржец. Он из рабочих — переплетчик высокой квалификации. Интересных книг в доме у нас всегда было очень много.

Отец работал в мастерской Военно-морской академии, потом перешел в Военную академию связи имени Буденного. Мы всей семьей ходили туда на вечера. Запомнился такой эпизод. Мне было лет 8, может быть, 9. Там проводили разные политические викторины. Мама очень много читала книг, газет и на все вопросы ответила. Все были поражены: слушатели, преподаватели не могли ответить на поставленные вопросы... Как сейчас помню, ей подарили избранные произведения Сталина — синий толстый том.

— *Ваш отец был членом партии?*

Папа был беспартийным. Он никогда не состоял ни в каких партиях. Мама тоже. Она не работала и помогала папе. У нас была отдельная квартира на улице Петра Алексеева. Это как раз напротив церкви, на месте которой построили станцию метро «Сенная площадь». Семья была небедной, среднего достатка. Мы имели все, что нужно для жизни.

— *Галина Евгеньевна, Ваше детство пришлось на 30-е годы, не самые радужные в нашей истории. Каким в Вашей памяти сохранилось это время?*

О детстве... очень хорошие воспоминания, мы росли дружно с сестрой...

— *Сестра старшие Вас?*

Да, у нас 2 года разница. Сестра училась в той же школе, где и я, но школа была как-то разделена. Она — в 1-й образцовой, а я оказалась в 7-й, а здание одно и то же. Но нам повезло, рядом со школой, в Демидовом переулке, располагалось Отделение Географического общества. Когда у них было мало народа, они нас приглашали на свои заседания. Мы к ним ходили, они как бы шефствовали над нами. А непосредственным шефом нашей школы был коллектив мебельной фабрики. Они нам устраивали вечера, дарили книги. У меня до сих пор сохранился томик Константина Паустовского с нежной надписью от коллектива фабрики. Словом, воспоминания о детстве приятные.

Сестра перед войной закончила 10 классов. У них был выпускной бал. И как раз началась война. Все ее приятели были и моими друзьями, а мои — ее. У сестры был очень хороший класс. Мы всегда собирались в огромной квартире художника Тырсы*, но его сейчас, наверное, не многие знают. Аня — дочь художника — училась с моей сестрой в одном классе. Художник есть художник. И у них была потрясающая квартира. Может быть, мне тогда так казалось, но я ее воспринимала, как нечто похожее на дворец.

Летом мы часто выезжали на дачу. Я считаю, что благодаря воспитанию в семье и той закалке, какую мы получили в детстве, мы сумели преодолеть испытания войны. Поэтому я с большим удовольствием вспоминаю детство, Ленинград. Но, к сожалению, каждый год выезжая на дачу, мы мало посещали наши знаменитые парки. Но в дальнейшем все было восполнено. Перед войной я часто ездила в Петергоф, Царское село...

— *Галина Евгеньевна, самые прекрасные годы Вашей юности были прерваны войной. Вы не покидали Ленинград. Почему? Расскажите, пожалуйста, о блокаде, какое она влияние оказала на Вас.*

Блокада на меня повлияла ужасно. Мы очень голодали. Папа умер от голода.

* Тырса Николай Андреевич (1887–1942) — советский график.

Это случилось 5 апреля 1942 г. Мы пережили страшные декабрь, январь, февраль, а в марте уже стало немножко солнышко пригревать. Но спаслись только я, сестра и мама. С зимы мама запасала сахарный песок для варенья, крупы... В общем, у нас были кое-какие запасы. С этими запасами мы немножко продержались, но это не спасло нас совсем, мы все были дистрофиками... Скажу больше, чувство голода у меня не проходило до начала 50-х годов. Это страшное чувство, его нельзя передать никакими словами. Я согласна была бы снова пережить все: бомбежки, обстрелы, невзгоды, отсутствие тепла, воды, но только не голод!

Как я уже говорила, папа был переплетчиком, у него был хороший клей, и мы спасались этим клеем. Мы его вымачивали, потом долго-долго варили на печурке; хорошо, что у нас еще были дрова. Весь Ленинград тогда был в этих печурках. В то время я числилась в Морском техникуме, я ходила туда, правда, только за карточками. Ходила пешком один раз в месяц на Васильевский остров. Вероятно, километров 10 туда и 10 обратно по Неве. Она замерзла тогда очень хорошо. Вот так мы питались. Потом папа умер. В блокадном Ленинграде тогда считали, что это хорошо, если человек умирал в начале месяца; его тогда можно было похоронить, а хоронили только за хлеб. Если кто умирал в конце месяца, то карточки уже не было, и тогда... Поэтому вся папина хлебная карточка пошла на его похороны. Мы похоронили его на Охтинском кладбище.

А через полгода произошел несчастный случай с мамой: она шла по Театральной площади — это было 7 ноября 1942 года — и ее сбила машина, сразу на смерть. Когда она в 4 часа уходила, то сказала: «Вы подождите, сегодня будет праздник 7 ноября». Мы кое-что приготовили и ждали ее с сестрой до самого утра. Мама работала в Трамвайном управлении, в бухгалтерии. У нее была проездная карточка, по которой и сообщали о ее гибели на работу. Когда кончился комендантский час, мы с сестрой пошли на ее работу, и там нам рассказали, что случилось.

Так мы остались вдвоем с сестрой.

Я уже работала и получала карточку. Техникум уехал, остались мастерские навигационных приборов. Потом пришла весна, трава выросла. Мы варили лебеду, крапиву... В общем, все, что можно было собрать. Как я уже говорила, сестра старше меня на два года. Сейчас она на пенсии. Она хирург, проработала в одной больнице почти 40 лет. Мы с ней такие постоянные. Вот так мы и выжили, но выжили, я считаю, только за счет своей выносливости. У нас в семье было принято хорошо питаться, а не копить на какие-то наряды или еще что-то.

Я думаю, что мама выжила бы тоже. Уже шел 1942 год, и страна стала помогать городу. Ну, конечно, все это были крохи. После перенесенного голодного стресса даже 600 граммов хлеба, которые мы стали получать, нас не спасали, так как организм был ослаблен, и не было жиров. Достаточно сказать, что нам вместо мяса — я помню, кило двести полагалось и должно было делиться на 3 декады по 400 граммов — давали яичный порошок (по 20 граммов за 100 граммов мяса). Значит, 80 граммов яичного порошка мы получали на 10 дней. Сахар нам не давали, а давали конфеты-кругляшки — «Бом-бом» назывались. Масло иногда давали. Это был белый американский жир «Ляфвут». Масла сливочного, как такового, не было.

Продавать особенно у нас было нечего. Но, правда, нас спасала водка. К каждому советскому празднику выдавали по пол-литра водки, а поскольку мы не пьющие, мы ее меняли на что-нибудь. Когда мы остались втроем, после смерти папы, то у нас было полтора литра водки. И за каждые пол-литра военные давали два килограмма какой-нибудь крупы. К тому времени военные части в Ленинграде стали снабжаться лучше. Ну и, конечно, те, кто был около этих продовольственных баз, имели возможность обмена. Причем не из-под полы, а был Сенной рынок, где можно было сразу эту водку обменять на продукты. Вот таким образом мы и жили.

— Почему вы не уехали? Не могли?

Вы знаете, у нас была возможность: во-первых, вместе с Морским технику-

мом, во-вторых, и папе предлагали. Но, к сожалению, как я вспоминаю, мама говорила, что у нас никаких родственников, кроме как в Ленинграде, нет, и некуда ехать. Денег или каких-то ценностей тоже не было, чтобы их могло хватить на какое-то время. Она сказала: «Останемся все в Ленинграде, будем умирать вместе». Раз уж мама так сказала, то у нас больше не возникало вопроса.

Но самое ужасное воспоминание у меня о блокаде следующее. Это когда по весне, в марте, начали убирать трупы. Блокадная зима была жутко холодная, снежная... В городе все было усеяно трупами, их просто выбрасывали из квартир, потому что сил у людей не было. И потом мертвые тела заметало снегом. Когда я ходила в Морской техникум за карточкой, мне несколько раз доводилось — особенно около площади Труда, там была улица Красная, такая узкая, переулочная — наступать на эти мертвые тела. Снег сразу под сапогами, под валенками как-то проваливался... Это ужасно, что-то страшное, когда идешь по этим мертвым людям.

Помню, с февраля–марта на предприятиях стали создаваться своего рода пансионаты, где было более-менее усиленное питание. И папе предложили поехать в такой. Это была Мечниковская больница. Кто представляет себе Ленинград, это от Сенной площади километров, наверное, 18 туда и 18 обратно. Папу туда мы повезли на санках. Там давали даже белую булку! Мы думали, что он там немножко все-таки подкрепит. Но он знал, что мы жутко голодаем. Мама волновалась, ведь ни телефона, никакой связи не было. В общем, я ходила к отцу 3 раза. Надо было идти мимо двух кладбищ: Богословского и Пискаревского, где теперь вечный огонь. Что там делалось, это что-то страшное... У людей не было сил дотащить покойников даже до кладбища, вся эта дорога была усеяна трупами. Хорошо, если они были еще завернуты. Вы знаете, было какое-то отрешение от жизни, ты идешь, видишь это все: когда труп на боку еще ничего, но когда лежит человек с открытым лицом... Это что-то ужасное! Отец лежал в больнице примерно с конца февраля до конца марта. Для меня

это была пытка, но мама была совсем измощена...

Еще моей обязанностью было возить воду, потому что водопровод замерз, не было ни света, ни электричества — ничего! У меня были санки, папа мне на них прикрепил 2 ведра и кувшин. Самое главное было поднять воду на 3-й этаж, потому что вся лестница была залита водой и замерзла. Нужно было виртуозные предпринимать шаги, чтобы не скатиться обратно вниз с этими ведрами.

Это был страшный период. И я говорю, что все можно пережить, но кроме голода. Все, все! Это самое страшное, что может быть на свете, потому что люди теряли облик человека. Это были не люди, они могли ради куска хлеба убить своего родного человека. Таких случаев была масса. Вырывали еду друг у друга родственники, — те, кто жили в одной семье. К счастью, у нас такое не случилось. Так что грустные воспоминания.

— А в это время появлялось желание учиться?

Я очень хотела учиться, но Морской техникум эвакуировался, а я осталась работать в мастерских навигационных приборов Наркомата морского флота СССР. У нас было военное производство, мы делали небольшие мины для фронта. Я сначала работала на станке. Потом, уже после того как немножко освоилась, поступила в вечернюю школу, чтобы окончить 10 классов. Несмотря на все трудности, несмотря на то что от голода умер папа, несчастье случилось с мамой, мы с сестрой остались одни, — я мечтала учиться.

Моя старшая сестра в 1942 г., когда был жуткий голод и в городе никого почти не осталось, поступила в 1-й Медицинский институт. Тогда это был единственный институт, который функционировал во время блокады. И хотя сестра была склонна к гуманитарным наукам (так же, как и я), но поскольку ничего больше не было, то она без отрыва от производства и поступила в медицинский.

А я кончила сначала 9-й класс, потом 10-й. Тяжело было, очень тяжело. Мне все говорили, что напрасно трачу силы, но об этом я никогда не жалела. Я работала

СПРАВКА.

С. С. С. Р.

Народный Комиссариат
Морского Флота

З Л В О Д

Судового Регистрации

12 с/фл. 124

124

Р. 124

Дана настоящая Мастерская Намеченная

Приборам НКМЗ тов. Островской Т. В.

в том, что он действительно работал в Мастерской

с 25/IV - 1942 по 10/V - 1944.в качестве хорошо знакомого - квалифицированногоУченого в области устройства на укладкуВыдана для представления наличному представлению

Островской Т. В.

и училась в школе рабочей молодежи. Был страшный голод, но в школе нас иногда немножко подкармливали — давали разваренную сою, и это для нас было каким-то подспорьем.

В 1944 г. вернулся из эвакуации Ленинградский университет. Война еще не закончилась. Мы были первыми, кто после возвращения университета поступил на исторический факультет. Я должна сказать, что конкурса никакого не было. Принимали 300 человек, и мы были объединены с абитуриентами, которые поступали на юридический факультет. Там тоже не было конкурса, и нас, кто сдал экзамены, уговаривали перейти на юридический факультет. Здание истфака было еще занято под госпиталь, и занятия проходили на филфаке, часть помещений которого была также занята под госпиталь. Но потом война от Ленинграда отошла, и помещения стали освобождать. Вот так я поступила на исторический факультет. Это было в ноябре 1944 г.

Первым моим университетским учителем был Сигизмунд Натанович Валк. Об этом человеке надо сказать особо. Это был настоящий петербургский про-

фессор. Именно такими я всегда представляла профессоров. Он был среднего роста, с бородкой, говорил сбивчиво, слегка заикался, немножко торопился, и не всегда мы могли уловить суть дела... Но это был добрейший человек. Я бывала у него дома. Он жил на Петроградской стороне. К сожалению, когда мы учились, у него скончалась жена, и он остался совершенно один. Детей у него не было. Что меня поразило, когда я первый раз попала в его дом? Это старая петербургская квартира, во дворе, без лифта, большие лестничные пролеты. Если память мне не изменяет, он жил на 4-м этаже. В квартире длинный, длинный коридор, который был уставлен книжными шкафами. Это было море книг! И первое, что меня удивило, как он ориентируется в этом море? Я спросила (нас было несколько человек), есть ли у него какие-либо картотеки. Он ответил: «Нет, но я же сам собирал эту библиотеку, поэтому знаю каждую полку и могу любую книгу найти в течение 10–15 минут, да и то если мне надо лезть на стремянку». Его письменный стол был весь завален книгами, а еще была крутящаяся этажерка с подсоб-

ными книгами, которые ему были нужны каждый день для работы.

Сигизмунд Натанович Валк был человек очень скромный. Он ученик известного петербургского профессора А. А. Лаппо-Данилевского. Он нам излагал все, что сам по крохам собирал от своего учителя. Хотя достоинства С. Н. Валка были известны всем и в Ленинграде, и в Москве, он так и скончался, не получив даже звания члена-корреспондента. А по отзывам многих ученых, он был достоин звания академика. У него была масса трудов, он был ходячая энциклопедия по русской истории. У нас были спецсеминары по источниковедению, по историографии. И первое, что я помню, это была тема «Русская правда», по ней мы постигали азы источниковедения и историографии.

Случилось так, что с 3-го курса я перешла на другую кафедру. Сигизмунд Натанович болел, и ему было трудно вести занятия. И я перешла на кафедру средних веков. Моим руководителем стал тоже очень известный ученый в Ленинграде, Москве и за рубежом Матвей Александрович Гуковский. Одновременно он был и директором Эрмитажа в Ленинграде. Он очень хорошо знал итальянский, английский, французский языки. Его родной брат, известный филолог Григорий Александрович Гуковский, уже был членом-корреспондентом*, а Матвей Александрович — доктором наук и профессором. По его предложению я стала специализироваться по истории Италии эпохи Возрождения.

Я писала у него дипломную работу, часто бывала у него дома. Он жил при Эрмитаже, в роскошной квартире. И вообще он был полной противоположностью С. Н. Валку. Это был очень жизнелюбивый человек, небольшого роста, спортивного склада, играл прекрасно в теннис, хотя тогда это не очень было модно. Словом, ничего в жизни ему было не чуждо. Он совмещал и науку, и любовь к жизни. Ходил в театр, кино, очень много рассказывал о своей жизни. Вот я у него, собственно, и заканчивала Ленинградский университет.

В 1949 г. я получила диплом с отличием. Сразу же после окончания университета меня рекомендовали в аспирантуру. Матвей Александрович был инициатором моего поступления в аспирантуру. Сдача госэкзаменов сочлась со сдачей по специальности и по некоторым предметам уже в аспирантуру. Поэтому осенью мне предстояло сдать только французский язык, которым я занималась. Еще я изучала итальянский у преподавателя, поскольку все книги, которые нужны были для моей дипломной работы, — а называлась она «Народная струя в культуре Флоренции XIV–XV вв.», — были на итальянском.

Но когда, после небольшого отдыха, я вернулась в университет, то оказалось, что Матвея Александровича Гуковского арестовали. Ему ввели жуткую статью, будто бы он расхищал картины Эрмитажа. Забрали его, его брата... И наша кафедра очень обеднела.

У нас на кафедре был очень хороший специалист по Франции — известный профессор А. Д. Люблинская. Она предлагала мне перейти к ней в аспирантуру, но я так растерялась и, хотя немного владела французским языком, заколебалась. Мне очень трудно было приходиться в комнату, где бывал Матвей Александрович, где у нас проходили семинары, где мы общались. Но тут я получила предложение... У нас был декан исторического факультета профессор Мавродин. Не Мавроди, а Мавродин Владимир Васильевич. Он узнал, что я осталась без руководителя, и сказал: «Я вам дам очень хорошую тему для кандидатской диссертации». Почему-то он предложил тему, которая меня обескуражила: «Русские казаки в Испании». Я говорю: «Знаете, я должна каким-то образом иметь связи с Испанией, с казаками. Но ни того, ни другого у меня нет». В общем, я как-то не очень решительно, но отказалась.

В университете был у нас известный профессор Семен Бенцианович Окунь, и он мне предложил заняться декабристами. Это было более реально для меня. Я его знала по лекциям. Это были артистические лекции. Он читал историю Рос-

* Г. А. Гуковский членом-корреспондентом АН СССР не был.

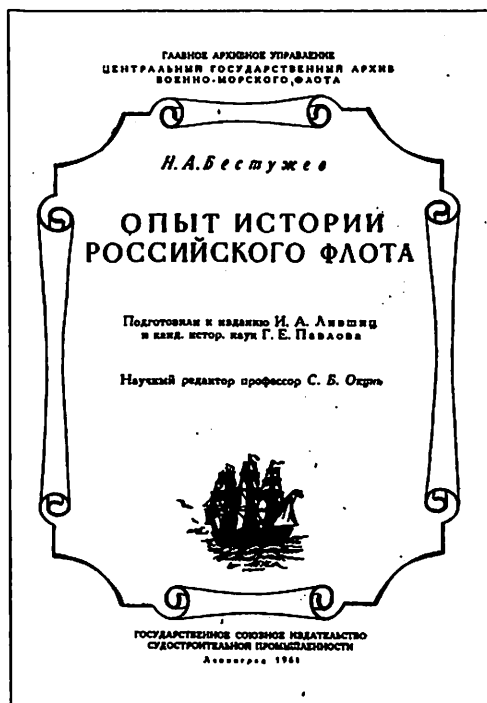
сии с конца XVIII по первую половину XIX вв. Он был очень эффектный мужчина. Ходил в морской форме, так как во время войны он был на флоте не то корреспондентом, не то сотрудником одной из морских газет. На его лекции стекались со всех факультетов. Зал всегда был полный, особенно на лекциях об убийстве Павла I. Он так красочно все изображал, что все были в диком восторге и устраивали такие аплодисменты, что иной актер мог бы ему позавидовать. Хотя у него не было морского образования, но он был душой моряк. Он мне предложил изучать декабристов-моряков. Через некоторое время я стала заниматься исследованием жизни и творчества Николая Бестужева.

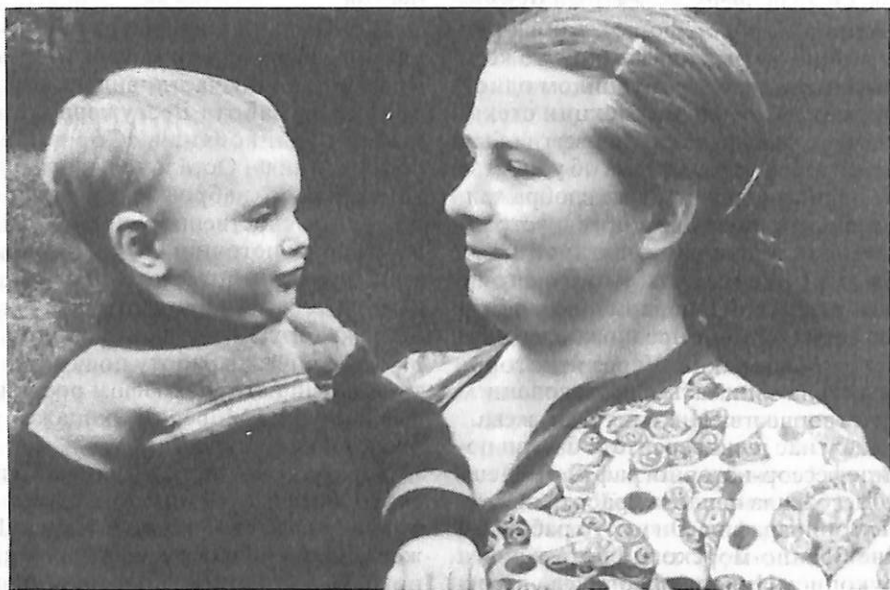
А еще у нас в университете был знающий профессор-историограф С. Л. Пештич. У него была неплохая работа по русской историографии. Он много работал в Архиве Военно-морского флота и видел там рукопись Николая Бестужева по истории российского флота. Но по оплошности он не записал ни фонда, ни дела, ничего. Пештич посоветовал мне покопаться в архиве и поискать ее, сказав при этом, что часть этой работы Бестужев опубли-

ковал в журналах ещё до восстания декабристов.

Я работала в этом архиве долго и упорно. И вот среди массы документов мне все-таки посчастливилось найти эту рукопись. Работа Бестужева частично была опубликована в «Соревнователе просвещения». Остальная часть рукописи, а также его наброски, огромные фолианты с его собственноручными выписками из первоисточников, хранились в архиве. Это была интереснейшая работа; не сам его текст, а та подготовительная работа, которую Бестужев проводил прежде, чем написать работу по истории флота. Он был историографом российского флота, и при «Морском Экипаже» у него была такая должность.

Я работала также в архиве Пушкинского дома, где хранится прекрасное собрание писем из Сибири Николая Бестужева. Там я нашла очень много интересного. И вот написала диссертацию и защитила ее немного раньше срока. Материал был очень ярким. Ну, конечно, мне Семен Бенцианович подсказывал кое-что. По отзывам специалистов, моя диссертация была оценена довольно высоко. Я, например, горжусь тем, что известный ученый И. С. Зильберштейн, собрание картин которого положило начало Музею частных коллекций при Пушкинском музее, специально приезжал, чтобы со мной познакомиться, поскольку у меня было много нового материала, а он готовил к изданию акварели Николая Бестужева. Он был хороший художник, и там в Сибири на каторге он рисовал всех товарищей по несчастью. А у Зильберштейна была прекрасная коллекция художественных произведений. Я у него была дома и видела его великолепное собрание И. Е. Репина (как он добывал эти произведения искусства — это другое дело). И. С. Зильберштейн человек очень образованный. Долгие годы он был главным редактором «Литературного наследства». В опубликованном «бестужевском» томе есть ссылки на мою диссертацию. Когда я защитилась, Семен Бенцианович Окунь мне порекомендовал опубликовать из диссертации одну главу совершенно нового материала. Это был 1952 год — очень трудное время, можно





Г. Е. Павлова с сыном Женей, 1958 г.

сказать, послевоенное. Но Окунь связался с Издательством Военно-морского флота. Я послала туда часть своей рукописи, и она попала к адмиралу Ивану Степановичу Исакову. Он автор многих литературных и исторических работ. Я, правда, с ним не была знакома, но разговаривала по телефону. У него были ампутированы обе ноги, и он работал только дома. Он жил в Москве, а я — в Ленинграде, поэтому нам встретиться не удалось. Короче говоря, мою главу и с моим предисловием издали в 1953 г. небольшой книжкой. Для меня было очень почетно и радостно, что моя работа не пропала даром. А когда книга вышла, И. С. Исаков через своего адъютанта предложил мне работать в так называемом «Морском атласе», где готовились морские и сухопутные карты. Там был большой коллектив, который вел эту огромную работу, а он был главным редактором. Но я тогда не могла принять это приглашение, у меня родился сын. В то время на работу историку было так же тяжело устроиться, как

и сейчас. Там была очень хорошая зарплата, но, в общем, случилось так, что я не попала в картографы...

В эти годы С. Л. Пештич, о котором я уже говорила, был связан с коллективной работой по истории Ленинграда. Выходил как раз первый том, в котором была глава, написанная сотрудником ИИЕТ А. А. Елисеевым*, но что-то там не заладилось, и мне предложили переписать эту работу. Я тогда была без работы и воспользовалась предложением. Я подготовила раздел по истории науки в Санкт-Петербурге в конце XVIII — 1-й половине XIX в. Раздел «Естественные науки в Ленинграде в первой половине XIX в.» был издан в 1-м томе «Истории Ленинграда» за двумя подписями — моей и Елисеева.

Потом, в 1954 г., я узнала, что создано Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР и туда набирают сотрудников. Я подала документы. У меня было несколько публикаций, в том числе по истории науки, и я была 1 октября 1954 г. за-

* Об А. А. Елисееве и его судьбе см.: Кольцов А. В. Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИАТ. 1999. № 3. С. 146–157.

числена младшим научным сотрудником в наш Институт. С того времени и до сего дня я являюсь свидетелем исторического развития нашего Института. Вот с тех пор и началась моя деятельность в области истории ломоносоведения, истории Академии наук. Какое-то время я занималась историей советской науки и участвовала в подготовке сборника «Организация науки в первые годы советской власти». Но поскольку я все-таки считала себя приверженцем XVIII–XIX веков, то я остановилась именно на этом времени.

— *Галина Евгеньевна, в каком подразделении Вы начали работать в Институте?*

В Музее М. В. Ломоносова. Это было уникальное научное и просветительское учреждение, оно тогда подчинялось нашему Институту. Директором был Валентин Лукич Ченакал. Это была, конечно, незаурядная личность. Хотя тогда он не имел высшего образования, но был подлинный историк науки. На эту должность его пригласил Сергей Иванович Вавилов, который и был создателем этого музея. Имя Сергея Ивановича Вавилова носит теперь и наш Институт. И Ченакал был, правда, не с первого дня, до него был Р. И. Каплан-Ингель — архитектор, который вместе с С. И. Вавиловым организовывал Музей Ломоносова. Но все-таки потом, в связи со всякими пертурбациями тех лет, в 1953 г. он был отстранен. Я не знаю его дальнейшей судьбы, но во всяком случае, когда я пришла в Музей, директором был В. Л. Ченакал. Он был специалистом в области истории научных инструментов XVIII–XIX вв., опубликовал много статей, несколько книжек по академическим инструментам XVIII в. У него была книга об И. И. Беляеве, а также много других, которые были основаны только на архивных материалах. Он не признавал никаких компиляций, никаких переписываний из одной книжки в другую.

Архив Академии наук был за углом. Это было совершенно уникальное сочетание Архива и Ленинградского отделения ИИЕТ. В Москве еще не было Архива АН, была просто группа, которая работала в Президиуме (в подвале) и собирала документы текущих дел. А вся основная часть Архива была в Ленинграде.

И вот я окунулась в эту среду, где самое главное — работа в архиве, в библиотеке. Библиотека Академии наук от нас тоже в 5–10 минутах ходьбы, потому что Музей Ломоносова, как вы знаете, помещается в Кунсткамере, а Архив буквально рядом, Библиотека на Менделеевской линии, а Главное здание, как оно называлось раньше, Президиума АН — это Университетская набережная, 5.

В этом здании у нас была одна роскошная комната, метров 50, где располагалось все Ленинградское отделение Института. Тогда его возглавлял, наверное, уже всеми забытый Борис Варфоломеевич Федоренко. Он был хороший организатор и своеобразный человек. Очень стремился к карьере, но не мешал работать. Затем я познакомилась с профессором Александром Игнатьевичем Андреевым, который в то время не был в большом почете, хотя был, конечно, ученым высшего класса. Андреев из той же плеяды, что и Валк, очень знающий и великолепно подготовленный историк во всех

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории естествознания
и техники

Г. Е. Павлова
**Организация
науки**

**в России
в первой
половине XIX в.**

Отвечающий редактор
член-корреспондент
С. Р. МИХАЛИНСКИЙ



МОСКВА «НАУКА»
1990

областях. С ним можно было консультироваться по любому вопросу в области истории и даже жизни. Он был очень доброжелательный, но у него не сложились отношения с Федоренко...

— *Галина Евгеньевна, в начале 50-х гг. в Институте работало немало замечательных ученых — и в Ленинграде, и в Москве. Они теперь классики нашей области знания. А кто на Вас тогда произвел наибольшее впечатление?*

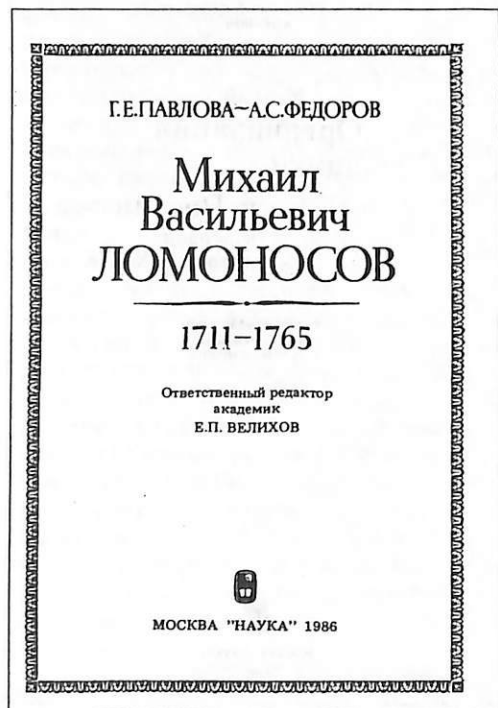
Самый яркий человек, с которым я тогда познакомилась, — это Анатолий Васильевич Предтеченский. Он был главным по составлению и подготовке первого тома «Истории Академии наук» (со времени основания Академии наук до 1803 г., т. е. принятия второго Устава Петербургской академии наук). Мне посчастливилось с ним проработать более десяти лет. Это был удивительный человек. В это время он тоже претерпел немало огорчений, потому что шли обвинения в космополитизме, обвинения в необъективном изложении истории. Эти гонения, конечно, очень сказались на профессорах старой — старой в лучшем смысле сло-

ва — дореволюционной школы. Хотя Анатолию Васильевичу тогда, я думаю, было немного более 60-ти. И он никогда не скупился поделиться и своими собственными воспоминаниями, и сведениями по истории Академии наук. И я попала именно в эту среду.

Я уж не буду всех перечислять. Вы правы, у нас было действительно много замечательных людей. Особенно мне повезло, что я попала в Музей Ломоносова, где была жива память о Ломоносове, как основателе отечественной науки. В этом отношении очень много сделал Сергей Иванович Вавилов. Собственно, он поднял на щит Ломоносова, он создал этот центр изучения научного наследия Ломоносова. И надо сказать, что вся академическая интеллигенция посещала наши заседания, которые проводились два раза в год: в день рождения и в день смерти Ломоносова. Эти заседания основал С. И. Вавилов, он привлекал к ним всех крупнейших ученых, не только занимающихся Ломоносовым, но и просто знающих историю науки. Это Владимир Иванович Смирнов — математик, академик, который заведовал кафедрой в Ленинградском университете; Торичан Павлович Кравец — великолепный ученый, член-корреспондент; И. Ю. Крачковский, Д. С. Лихачев, П. Н. Берков...

Сергей Иванович Вавилов переехал в Москву, но сохранились традиции, и заседания продолжались. Он всегда приветствовал участников. Заседания проходили в Музее, в том зале, где воссоздана обстановка Конференц-зала Академии наук XVIII в. Там круглый огромный стол, покрытый суконной скатертью, посередине на книжной подставке Академический устав 1747 г., а с другой стороны — Регламент 1803 г. Все усаживались за этим столом, кому не хватало места — в простенках. Собиралось всегда человек 50–60. Сделать доклад на таком заседании была большая честь. Я выступала на этих заседаниях несколько раз.

Когда я пришла работать в Музей Ломоносова, то А. И. Андреев и А. В. Предтеченский предложили мне участвовать в подготовке полного академического собрания сочинений Ломоносова. Но по-





Г. Е. Павлова. Анапа, 1957 г.

сколько все тома были уже распределены между сотрудниками, оставался только VIII том, посвященный литературному наследию Ломоносова, где также были свои составители комментариев, а основные материалы поделены. И я стала работать над разделом «Иллюминации и надписи к ним Ломоносова». Главным редактором VIII тома был Георгий Петрович Блок — выдающийся литературовед, ученый. Он — дальний родственник Александра Блока — петербургский интеллигент, удивительный человек, добрый, знающий. Я не очень разбиралась в таких, можно сказать, специальных вопросах, а он мне помог, подсказал, где найти в Эрмитаже необходимые гравюры-иллюстрации. Этот раздел я подготовила. Там было почти два печатных листа моих комментариев. Еще повезло, что мне предложили написать обзор всех ломоносовских заседаний — начиная с основания и до 1957 г. Так я приобщилась к Музею Ломоносова.

Потом ушел из Института Федоренко. Пришел новый директор — Петр Павлович Перфильев — выдающийся ученый-паразитолог, приятель профессора Б. Е. Райкова. Перфильев заведовал кафедрой в Военно-морской академии, но интересовался и историей паразитологии. Его пригласили заведовать нашим Ленинградским отделением Института.

— *Это в бытность П. П. Перфильева Вы занимались административной работой?*

Это было в 1957 г. К нам в Отделение приехал директор Института Николай Александрович Фигуровский. Я его знала. Он приезжал и раньше, выступал в Музее с докладами. И он предложил мне стать ученым секретарем Ленинградского отделения. В общем, с 1957 г. по 1972 г. я работала ученым секретарем Ленинградского отделения Института*. В этот период у меня появился большой круг знакомств, так как по характеру работы

* Ученым секретарем Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР Г. Е. Павлова проработала с февраля 1958 г. по декабрь 1971 г.

мне приходилось общаться со многими людьми.

Особенно на долгие годы запомнилась мне встреча с академиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Дело было в 1961 г.*, когда возникла идея перестройки Академии наук и встал вопрос о том, что наш Институт должен выйти из системы Академии наук и перейти в ведение Министерства образования. От этого зависело очень многое, так как сразу менялся статус нашего Института, а именно: совсем другие зарплаты, другое обеспечение и с печатанием работ, и вообще это более низкий ранг...

Это был неприятный период в истории нашего Института, возникла угроза его существованию. Стали готовить письма в Президиум АН, в ЦК КПСС, чтобы нас оставили в Академии наук. Для этого нужна была поддержка видных ученых, которые могли дать характеристику работам нашего Института в Москве и филиала в Ленинграде. Мне позвонили и сказали, что нужно обязательно заручиться поддержкой у такого авторитетного ученого, как академик Иоффе. Я должна была к нему прийти и все объяснить, чтобы он подписал письмо. Несколько человек уже подписали, но главное — это было имя академика А. Ф. Иоффе.

И тогда я, пользуясь своим знакомством, а точнее, знакомством Ченакала с первым заместителем Иоффе, договариваюсь о встрече**. Когда я пришла к Абраму Федоровичу Иоффе, к этому замечательному ученому, я не могла поверить, что смогу вот так запросто с ним разговаривать. Это был изумительный, конечно, уже пожилой и очень доброжелательный человек. Он встретил меня с улыбкой, встал, как полагается, поприветствовал, посадил, стал расспрашивать о нашем Институте.

Оказалось, что наш историк физики профессор Я. Г. Дорфман был его учеником. Они вместе работали в Баку. И он стал рассказывать о Дорфмане, что он очень способный человек, но очень ер-

шистый, и поэтому испортил себе карьеру. Если бы он так не ершился, то уже был бы, наверное, академиком, потому что способности к физике у него необыкновенные.

Мы о разном поговорили с А. Ф. Иоффе: я посетовала на судьбу Института, и он без звука подписал письмо, заверив, что будет поддерживать нас во всех высших инстанциях. Он уже не работал в Физико-техническом институте, а был директором Института полупроводников. В то время как раз разворачивалось именно это направление, и он получил роскошный особняк на берегу Невы с видом на набережную.

Он рассказал мне, как жил и учился за границей, как начались на него гонения. Оказывается, он жил рядом со своей лабораторией, и как он говорил: «Когда началась при Сталине вся эта история борьбы с космополитизмом, возник так называемый еврейский вопрос, то первым делом — закрыли кирпичной стеной мою дверь, которая выходила прямо в лабораторию, чтобы я там не появлялся. Около лаборатории поставили военную охрану, хотя работы продолжались, там были мои ученики, мои труды, библиотека. Я не мог туда попасть, потому что эта кирпичная стена отделяла мою квартиру от лаборатории, а охране не велено было меня пускать... Иногда мне все-таки удавалось их уговорить, чтобы взять хоть какие-то материалы. Я, конечно, не прекращал научную работу дома... А теперь я опять в почете...» Он называл мне фамилии философов, которые его смешивали с... Я уж не буду их называть, это не очень приятно. Он их всех назвал и добавил: «А когда я получил институт, то они оказались моими лучшими друзьями. Все стали ко мне подходить. Но я такой человек, что не мог не подать им руки, потому что я воспитан по-другому. Другой бы отвернулся и ушел, но я по своей мягкотелости не могу им в глаза сказать то, что думаю. В общем, неважно... Я очень рад, что мой помощник меня с вами познако-

* Очевидно, ошибка памяти. Встреча Г. Е. Павловой с А. Ф. Иоффе не могла проходить в 1961 г., так как академик А. Ф. Иоффе скончался 14 октября 1960 г.

** Речь, очевидно, идет о заместителе директора Института полупроводников АН СССР М. С. Соминском.

1707 – 1957

ЮБИЛЕЙНАЯ
НАУЧНАЯ
СЕССИЯПОСВЯЩЕННАЯ
двухсотиядесятилетию
со дня рожденияЛЕОНАРДА
ЭЙЛЕРА

Академия наук СССР приглашает Вас принять участие в Юбилейной научной сессии Отделения физико-математических и технических наук, посвященной 250-летию со дня рождения великого математика члена Петербургской Академии наук

Леонарда ЭЙЛЕРА

Юбилейная сессия состоится
15–18 апреля 1957 г. в гор. ЛенинградеПервое заседание начнется
в понедельник 15 апреля 1957 г. в 12 час.
в Большом Конференц-зале Академии наук СССР
(Университетская наб., д. 5)

мил». А это был такой Монус Самуилович Соминский. Он после смерти Абрама Федоровича эмигрировал в Израиль. Он, кажется, не был большим ученым-физиком, но он обеспечивал существование этого института, поддерживал и помогал академику Иоффе*. А у нас с ним были тесные связи. Соминский был большой любитель старины, собирал антикварную мебель. А для Музея Ломоносова — с благословения С. И. Вавилова — была приобретена уникальная мебель XVIII — начала XIX вв. И он приходил к нам любоваться. И не он один. К нам специально приезжали даже из Москвы, например артист Б. Н. Ливанов. А помещались мы в Мюнцкабинете бывшей Кунсткамеры, где прекрасный лепной потолок... В этом кабинете хранились монеты и медали, которые были собраны при Петре и в более позднее время.

Как я уже говорила, я перешла из Музея Ломоносова в филиал нашего Института на Университетской набережной. Здесь тоже доводилось устраивать заседания, поскольку именно ученый секре-

тарь должен был заниматься такой организационной подготовкой, поэтому я не теряла связей с Музеем Ломоносова. Мы очень хорошо провели юбилей — 250-летие со дня рождения Ломоносова, который отмечался в 1961 г. У нас были и другие, очень интересные юбилеи. Например, 250 лет со дня рождения Леонарда Эйлера, когда нас посетила заместитель директора нашего института Валерия Голубцова — жена Г. М. Маленкова. Юбилей Л. Эйлера отмечался во всем мире. К нам должны были приехать много зарубежных ученых. Это было в 1958 г.** Но главное, что перед этим юбилеем нам пришлось перезахоронить прах Эйлера. В свое время он был похоронен на Смоленском немецком кладбище. А оно было таким заброшенным, могилы неухожены, кресты уничтожены, деревянные — спилены во время блокады, а каменные растащили... А могила самого Эйлера — в запустении. В общем, правительство приняло решение перезахоронить прах Л. Эйлера в некрополе Александро-Невской лавры. Это было пору-

* М. С. Соминский — автор обширной книги «Абрам Федорович Иоффе», изданной в 1964 г. в Научно-биографической серии АН СССР.

** Юбилейные торжества по случаю 250-летия со дня рождения Л. Эйлера проходили в Ленинграде 15–18 апреля 1957 г.

чено Ленинградскому отделению нашего Института.

У меня сохранились фотографии всего этого процесса. Когда вскрыли могилу, там оказались останки не только Леонарда Эйлера, но и всей его семьи. Мы все останки сложили в гроб, а потом на автобусе повезли прах в Александро-Невскую лавру. Там проходила масса всяких экскурсий. Люди нас окружили и спрашивали, почему на этом историческом кладбище, на котором давно никого не хоронят, проходят похороны? Это вообще закрытое кладбище — памятник истории и искусства. И когда несли этот скромный гроб, все были в недоумении: нет народа, нет музыки, нет цветов. У нас была не очень приятная миссия, но мы ее достойно выполнили. И когда действительно приехало много гостей из-за рубежа, то нам было не стыдно: на могиле было большое надгробие, и состоялся митинг. Приезжали М. В. Келдыш, все руководство Академии наук (тогда был еще жив А. В. Топчиев), много других известных ученых.

Это вот отдельные эпизоды из моей научно-организационной деятельности. Много было всего разного: приятного и не очень. Но во всяком случае, я работала в нашем филиале с большим удовлетворением без малого 18 лет, с 1954 г. до конца 1971 г., пройдя все ступени.

В декабре 1971 г. я переехала в Москву. В то время в Институте ученым секретарем был В. В. Быков, очень симпатичный человек. Он посоветовал мне пойти в группу Ю. М. Шейнина, сказав, что там очень хороший коллектив и я не буду чувствовать себя одинокой. Я вспоминаю его с благодарностью, потому что там действительно были замечательные люди — Галина Ивановна Любина, Майя Семеновна Бастракова, Володя Кузаков, еще несколько человек и, конечно, Евгений Алексеевич Беляев. Потом Юлиан Михайлович заболел, и этой группой стал руководить Е. А. Беляев, но это было уже позднее. Затем нас, несколько человек, из этой группы «изымал» С. Р. Микулинский. Мы занимались не очень благодарной работой, составлением тома



На субботнике в ИИЕТ АН СССР, 1970-е гг.

Слева направо: З. К. Соколовская, И. В. Баладина, Г. Е. Павлова

«Развитие науки за 50 лет советской власти». Им занимался буквально весь Институт, какие-то материалы мы писали. Короче говоря, почти 3 с лишним года мы работали, но так книга и не вышла в свет. Кроме того, я хотела бы сказать, что в Ленинграде велась подготовка 1-го и 2-го томов «Истории Академии наук». А вот с 3-м томом, посвященным истории Академии в XX в., была проблема. Том был сделан, но случилось так, что академик Николай Маркович Эмануэль очень заинтересовался, кто писал историю химфизики, и попросил прислать ему весь этот раздел. Он был человек честолюбивый. Когда он прочитал и нашел, что мало о нем говорится, он попросил на какое-то время этот раздел, чтобы посмотреть и дополнить. И в конце концов растащил весь том. Все авторы были академики, им хотелось, чтобы они вошли в историю... В общем, так наш 3-й том и погиб... И, конечно, это очень грустно. Вот и сейчас, в юбилей 275-летия со дня основания Академии наук, фундаментальной работы, которая раскрывала бы огромную научную деятельность Академии, как было задумано в 3-м томе, так и нет. Только два этих тома по «Истории Академии наук», которые были подготовлены А. В. Предтеченским — светлая ему память, — и при участии А. В. Кольцова, ныне здравствующего*.

— *Галина Евгеньевна, Вы ведь не были членом КПСС. Как Вам это удалось, особенно в тот период, когда Вы занимались административной работой?*

Нет, я не вступила. Вы знаете, это был очень сложный вопрос. Когда я была просто научным сотрудником, этот вопрос не вставал. А когда стала ученым секретарем, то мне уже говорили, что эту должность не может занимать беспартийная, что нужно вступить в партию. А я отвечала, что не подготовлена, в общем, всячески отговаривалась. Но у нас надо сказать, был очень хороший инструктор райкома И. П. Прошутинская. Она приходила ко мне, мы с ней беседовали, она меня исподволь агитировала.

Она меня понимала... И от меня отстали. Но один раз был очень неприятный эпизод. Тогда директором был Бонифатий Михайлович Кедров. Это были 60-е гг. В Ленинградском университете был один доцент, он поехал в Америку. И там его не то завербовали, не то он сам перешел в стан врага, как тогда считалось. Ну, в общем, это было ЧП. Университет был в этом же Василеостровском райкоме, которому подчинялись и мы. Там сняли несколько человек. Но прошло 2–3 месяца, этот доцент, кажется, его фамилия была Леонтьев, возвращается. И его нужно было куда-то устроить, поскольку он раскаялся. А у нас заведующим был тогда Анатолий Васильевич Кольцов. Он человек очень порядочный, но осторожный в житейском отношении. Он был член партии, и райком для него был, как святыня. Он, наверное, был в отпуске. Это было летом... И вдруг мне звонит какой-то второй секретарь райкома и говорит, что из горкома партии пришло постановление, чтобы мы этого Леонтьева зачислили в Ленинградское отделение Института. Я говорю: «У нас есть директор в Москве — Бонифатий Михайлович Кедров. Почему вы обращаетесь ко мне? Я ученый секретарь и вопросов такого рода не решаю. Вы позвоните академику Кедрову, и если дадут ставку, дадут команду, то вряд ли наше отделение будет возражать». Через некоторое время он звонит и сообщает, что есть полная договоренность и его можно оформлять. Я спросила: «А на каком основании? Вы пришлите бумагу, что вы рекомендуете, или с визой нашего директора». В ответ я услышала: «Собственно, кто вы такая? Мы вас вызовем на бюро райкома и исключим из партии». Я говорю: «Вы знаете, вы меня можете вызывать, но я не член партии». В общем, на этом дело и кончилось. Так мы его и не зачислили, а Кедрову никто не позвонил. Вот так.

* Заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН, доктор исторических наук Анатолий Васильевич Кольцов скончался 15 октября 2000 г.

— *Из Вашего рассказа почти все понятно, но все-таки, как произошел выбор пути историка, выбор профессии? Если не возражаете, давайте опять вернемся в прошлое.*

Выбор моей профессии был предопределен. Как я уже говорила, моя сестра по своему складу гуманитарий, хотя и стала медиком. Она собиралась поступать на исторический факультет, на археологическое отделение, поэтому я уже была как бы приобщена к истории, которую она выбрала. А папа по каким-то соображениям считал, что я должна пойти в Оптико-механический институт, который был напротив нашего дома. Но случилось так, что я пошла по стопам сестры. В том, что она выбрала истфак, большое значение сыграла ее преподавательница истории Ксения Владимировна Рубец. Эта удивительная женщина работала в школе и одновременно в Эрмитаже, вела там занятия со школьниками, студентами. Она окончила Сорбонну в Париже, прекрасно знала французский, немецкий, английский языки. Она нам много рассказывала интересного. Короче говоря, она была высокого уровня культуры и образования, да и жила от нас недалеко.

Однажды, во время блокады, произошел такой эпизод. Все было ужасно, все голодали. А К. В. Рубец по натуре была очень общительная и просила ее не забывать. Ее сын уехал в эвакуацию, а она осталась в Ленинграде. Мы иногда заходили к ней вместе с сестрой. Один раз мы пришли, а с собой у нас был коробок, а в нем 3–4 спички, чтобы использовать их при возвращении по темной лестнице. Она рассказала нам, что уже целую папку материалов собрала, чтобы потом написать книгу о блокаде. Когда мы собрались уходить, то выяснилось, что у Ксении Владимировны в доме нет ни одной спички. Мы отдали ей коробок. После блокады Ксения Владимировна написала книгу «Они учились в Ленинграде», где вспоминала этот эпизод: «Пришли сестры Павловы, Людмила и Галина, и после разговора о том о сём, выяснилось, что у меня нет ни одной спички. А у них был коробок с двумя или тремя спичками, и они мне его подарили. Представля-

ете, какое это было богатство для меня?!» Это написано в этой книге, которая была издана в 50-е гг. К. В. Рубец пережила блокаду, работала в Эрмитаже, и я там с ней встречалась.

Когда я завершила учебу в университете, сестра, окончив медицинский, уехала в Карело-Финскую республику, где работала в одном приграничном городе заведующей больницей. А у нас после всех перипетий от трехкомнатной квартиры осталась только одна комната. Сестра должна была через три года вернуться обратно в Ленинград, так что мне во что бы то ни стало надо было остаться в Ленинграде, чтобы сохранить комнату. В это время по предложению Матвея Александровича Гуковского я стала проводить экскурсии по Эрмитажу, по Петровской галерее. Знания, полученные на истфаке, мне здоровогодились в моей экскурсионной деятельности. Я занималась XVIII веком и уже хорошо знала Петра I и его время. Мне кажется, что я нашла себя, окончив исторический факультет. И в выборе пути не последнюю роль сыграла К. В. Рубец.

— *А как сложилась судьба Ваших школьных товарищей?*

Вы знаете, что наш класс постигла очень печальная судьба... Большая часть уехала из Ленинграда. У меня была связь только с одной моей приятельницей. Она жила в Новосибирске, потом вернулась в Ленинград, но, к сожалению, их квартиру заняли. Они не могли отсудить ничего и уехали в Новосибирск. Судьба многих, кто уехал, оказалась печальной. Только большие связи и большие деньги могли помочь изменить ситуацию. Квартир не было, все разрушено. Пригороды тоже были сожжены. Я помню, как проезжала через Павловск после освобождения, месяца через два. Жуткие руины... Страшно, во что превратили немцы пригороды Ленинграда: все разграблено, все разрушено, все сожжено дотла. Я вот сейчас смотрю на восстановленные дворцы и вспоминаю, как мы ездили в Пушкин, во дворец, так там, где должна была располагаться Янтарная комната, вообще полов не было. Ужасно, что было.

— *А сокурсники по университету?*

Я поддерживаю отношения с теми, кто сейчас в Москве. Но многие разлетелись, кто куда. К сожалению, и многие уже уходят из жизни. Особенно те, кто в период войны был в очень сложной ситуации. Когда я была в Ленинграде, то мы изредка встречались с А. А. Фурсенко. Он работает в Институте истории, занимался Рокфеллерами, однажды мы с ним встретились неожиданно в США. Он теперь академик, наш «главный» историк в Академии наук. А когда-то я у них в группе целых полгода проводила политинформацию. Я была на год старше. Они студенты, а я уже аспирантка. Группа, в которой учился А. А. Фурсенко, специализировалась по всеобщей истории. Когда я к ним приходила в группу, то не я, а они мне что-нибудь рассказывали. Потом, через полгода, я ушла от них, сказав начальству, что мне надо готовиться к сдаче экзаменов.

Одна из наших сейчас работает в Публичной библиотеке. Почти все, кто работал по профессии, защитили диссертации. В общем, кто где. Сейчас время такое, что не очень до встреч. Да и немного нас осталось.

— *Галина Евгеньевна, Ваши школьные годы разрезала война, а университетские годы пришлись на самый мрачный период в истории отечественной науки, в судьбах нашей интеллигенции...*

Да, это ужасно... А. В. Предтеченский, В. В. Струве, Б. А. Романов... Да, у меня было жуткое впечатление. Нас из-под палки всех заставили идти на одно из таких судилищ. На истфаке огромный зал амфитеатром, по-моему, рядов 50. Нас всех согнали туда, и мы должны были присутствовать при разоблачении космополитов, «необъективно отражающих отечественную историю». Я никогда не забуду, как я пришла домой и плакала. Василий Васильевич Струве — академик, не знаю, был ли еще такой египтолог не только в Советском Союзе, но и в мире. Он был огромного роста, с седыми пышными волосами. И вот этот пожилой человек вышел на сцену, и ему стали задавать вопросы, как он «докатился до такой жизни», что необъективно освещает исто-

рию, не с той точки зрения... Еще я никогда не забуду один эпизод. Тогда по Дворцовому мосту и по Университетской набережной ходили трамваи. А В. В. Струве жил в доме ученых, где теперь общежитие. У него там была квартира. Трамваи всегда были переполнены... И вдруг я вижу: буквально висит на подножке трамвая Василий Васильевич в каких-то калошах, кепке, с палочкой в руках... Это что-то страшное было. Это конец 40-х гг. Я, конечно, не верила во все эти абсурдные обвинения нашим профессорам.

Это немного о другом, но один эпизод мне врезался в память на всю жизнь, и я его сейчас вспомнила. Это было, по-моему, в 6-м или 7-м классе. Я пришла домой и сказала маме, что мне нужны туфли и еще кое-что. Она на меня посмотрела и говорит: «Ты знаешь, у тебя есть Отец Сталин, а Мать Родина, вот их и проси».

— *Ваша семья была религиозной?*

Я не скажу, что у нас была семья верующая, но во всяком случае мама была воспитана в православном духе. Мы с сестрой крещенные. Когда началась эпоха гонения на церковь, приходилось как-то изворачиваться. Я помню, у нас были роскошные подсвечники. Идя в церковь, мы их прятали под пальто. Мы боялись, что в школе узнают, что ходили в церковь. А потом церкви все закрыли. Мы были свидетелями, когда сбросили купола Спасской церкви на Сенной. Мама очень плакала.

— *Галина Евгеньевна, волей-неволей мы все время возвращаемся к драматическим страницам нашего прошлого. Скажите, Ваших близких репрессии не коснулись?*

Наша семья, в общем-то, не пострадала в период репрессий. Но у сестры в школе, а у них класс был очень привилегированный, это имело место. У неё была приятельница Римма Оркович. Ее отец был главный инженер завода имени Марти (теперь Адмиралтейский судостроительный завод). У них была очень хорошая квартира на улице Герцена, прямо напротив Исаакия. Ее отца расстреляли, мать выслали в Среднюю Азию. Ее взяла тетка. Потом был такой Барабанов Володя.

Отец его был директором Адмиралтейского завода, его тоже расстреляли. Вот такие отголоски... Мы знали прекрасную семью Риммы Оркович. Никто не верил, но был такой период, что все боялись говорить. И мама нас предупреждала: «Молчите, не только потому, что вы можете другим плохо сделать, но и себе...»

Сталину мы никогда не поклонялись. Каждый здравомыслящий человек видел, что происходило в то время. Это, конечно, были из ряда вон выходящие события. Невинные люди страдали больше всего. По молодости лет, мы еще не так воспринимали, как потом стали анализировать. Позднее более или менее начали разбираться. Я помню, когда мы заканчивали университет, вышла работа Сталина о языкознании. Нам говорили, что не выдадут диплом, если мы не сдадим зачет по этой работе. Нас загоняли слушать лекции... Я уже не помню, кто нам читал эту муть насчет Марра и всего прочего.

— *И что же, у Вас были только замечательные учителя, настоящие ученые? И других не было? И не было ортодоксов-сталинистов?*

Были у нас и такие преподаватели, что иногда было стыдно за них. Например, Овсянкин. Я не знаю, жив он или нет. Он читал историю СССР. Мы до сих пор вспоминаем, когда встречаемся с друзьями, его слова, что «Временное правительство сидит в креслах». Но зато он был член партии, в каких-то партийных организациях... Тогда был такой период, были случайные люди, они-то и судили. Вот Анатолия Васильевича Предтеченского на таком судилище прорабатывали, и он вынужден был уйти из университета, вернее, его ушли. У него сын погиб на фронте — очень талантливый историк. И Анатолию Васильевичу пришлось казаться, а иначе нельзя было...

А еще меня судьба свела с одним своеобразным человеком, я разбирала его архив. Это — В. В. Данилевский. Ну, вы же знаете, какую идеологическую роль выполняла тогда история техники... Он, собственно, поднял волну борьбы за псевдоприоритеты: «Россия — родина слонов». Он — один из активных участ-

ников. Мне кажется, что он был обиженный жизнью человек, всегда какой-то хмурый, недоброжелательный к людям. Тогда у него уже, по-моему, не было одной ноги. Его привозили на наши ломоносовские заседания. Но мы ему должны быть благодарны, потому что он распал мозаичную фабрику Ломоносова в Усть-Рудице. По его инициативе были проведены раскопки, а Музей Ломоносова получил множество мозаик. Потом там была поставлена стела, все приведено в порядок, хотя там стояли наши ракетные установки. Это место облагородили только благодаря стараниям Виктора Васильевича Данилевского. После его смерти осталась очень большая библиотека. Его вдова позвонила в Институт и предложила часть книг передать нам. Книги мы взяли, а рукописи отдали в архив.

Также в архив сдал свой дневник и Борис Евгеньевич Райков. У него было 4 тома дневников. Он тоже пережил очень тяжелые времена и обо всем писал так, как было на самом деле. Он был в ссылке в Медвежьегорске... А у меня до сих пор хранится его бумажка, в которой сказано, что архив обязан выдать дневники по первому требованию Павловой. Я, конечно, с удовольствием бы познакомилась с его дневниками. Просто на работе у меня были другие интересы, а потом все это отошло в прошлое. Но если случай представится, я их обязательно прочту.

— *Галина Евгеньевна, те времена, те условия, которые были, повлияли на Ваше творчество?*

Вы знаете, меня судьба миловала. Во-первых, декабристы — они всегда декабристы. Когда вышли мои книжки, Институт истории пригласил меня на юбилей Николая Бестужева в Селенгинск. Я ездила туда, была на могиле Н. Бестужева, на Гусином озере. Мы ездили туда с профессором Кириллом Васильевичем Пигаревым. Он известный литературовед, потомок Баратынского и Блока. У меня остались дневники, которые он вел, когда мы были на этом юбилее. Затем я стала заниматься Ломоносовым. Ломоносов тоже был вне всяких нападок. Наоборот, это было знамя, его все время поднимали.

Впрочем, я помню и такое. Мне нужно было писать реферат по Николаю Бестужеву. Ленин сказал: «Декабристы разбудили Герцена». А это был 1952 год — расцвет мракобесия. И мне подсказали, что в автореферате надо обязательно дать цитату Сталина. Иначе автореферат не пропустят. Я была в полной растерянности. А мой знакомый с кафедры марксизма-ленинизма предложил мне помощь и быстренько написал, что говорили Ленин и Сталин в своих работах о декабристах. У меня текст сохранился. Я когда читаю, думаю, как это можно было так подогнать? Это мог сделать только специалист... Мне даже в голову не могло прийти так написать... Да, были сложные времена... Ну, конечно, нельзя сравнить, что пережили они, наши профессора, и что переживали мы. Это было совсем другое восприятие. К тому же я была так воспитана, что не очень стремилась к карьере. А многие у нас уже в университете думали, куда бы в райком или в горком пристроиться, где более обеспеченные зарплаты, или читать лекции в партийных учреждениях. Мне такое и в голову не приходило.

— *Галина Евгеньевна, а как складывались у Вас отношения с директорами нашего института? Их было на Вашем веку немало.*

Я со всеми ладила, правда, тяжелее вот...

— *С Фигуровским?*

Да, с Фигуровским Николаем Александровичем.

— *Ивана Васильевича Кузнецова Вы не застали?*

Ну как же не застала, приезжал румяный к нам в Ленинград...

— *Он был Ваш первый директор?*

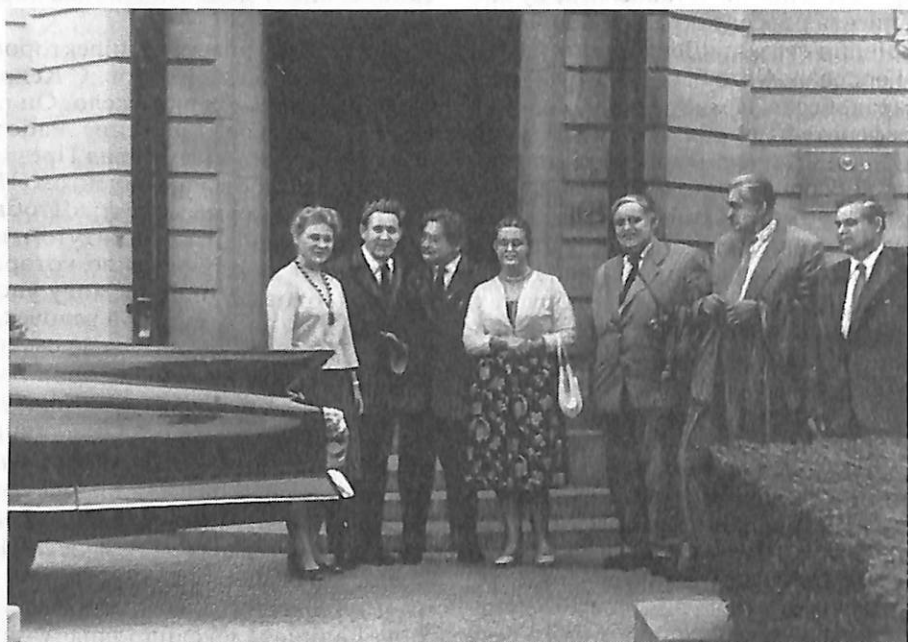
Нет, первый был А. М. Самарин, но Самарин к нам не приезжал, я его не видела. Потом был Иван Васильевич Кузнецов. Он к нам приезжал, много, пространно говорил, но был очень доброжелательный человек, никаких нам не чинил препятствий. Он был директором, по-моему, год с небольшим. Потом был Фигуров-

ский. С ним у меня сложились хорошие отношения.

После Фигуровского директором Института стал Б. М. Кедров. С Кедровым было работать очень тяжело. Он поставил нас в жуткое положение. Работу нашего Института заслушивал Президиум. Келдыш тогда был президентом. И Кедров на Президиуме заявил: «Чтобы мне успешно руководить Институтом, я прошу записать в распоряжение, которое будет подготовлено, что я могу уволить 12 человек». Он был такой человек, если ему было что-то нужно, то он своего добивался. И ему разрешили уволить. Конечно, все стали возражать. Кого увольнять? В Ленинградское отделение он «бросил», по-моему, 5 человек на увольнение. В Москве все-таки коллектив порядка 200 с лишним человек, а у нас 40 едва насчитывалось. И нам уволить 5 человек, это было сверхъестественно.

И тут началось. У нас, например, работала Галина Александровна Андреева, своеобразная женщина. Она была дружна с Н. А. Фигуровским и писала ему из Ленинграда письма. Не знаю, но каким-то образом ее письмо к Николаю Александровичу попало к Б. М. Кедрову, наверное, как к директору института. Ну и сами понимаете...

Еще у нас работал такой А. М. Мурзин. К нам он пришел из какого-то теплоэнергетического института. Он был слепой, на фронте потерял зрение. Он был дружен с В. В. Данилевским, вместе с В. П. Zubовым готовил к изданию «Избранные труды» Г. В. Рихмана. И вот Кедров сказал: «Убирайте Мурзина». Мы в ответ: «Куда мы его? Слепой человек. Пострадал на фронте». Кедров: «Пусть его берут на прежнюю работу». Мы с Анатолием Васильевичем Кольцовым 3 раза ходили туда, умоляли... Все-таки они благородно поступили, взяли его. И так со всеми остальными кандидатами на увольнение. В общем, это тысяча и одна ночь. Мы, по-моему, больше года с Анатолием Васильевичем устраивали всех уволенных. Потом был такой Ф. Н. Загорский, а также В. Б. Вилинбахов — очень строптивый молодой человек. Он тоже не вписался, и у него вечно были какие-то неприятности. К тому же он дружил с Г. А. Андре-



*Участники X Международного конгресса по истории науки. Вашингтон, 1961 г.
Слева направо: З. К. Соколовская, А. А. Зворыкин, Г. М. Добров, Г. Е. Павлова,
К. К. Хренов, Г. Б. Петросян, К. И. Малов*

евой, вот Кедрову это, наверное, и не понравилось. Короче, с этим Вилинбаховым он нас замучил. Но Вилинбахов сам ушел. Был страшный скандал, о нас писали все газеты, мы не успевали отвечать — то в «Известиях», то в «Правде», походы в райком... А секретарем партийной организации была Макеева Валентина Николаевна — верный служака партии. Она большей частью предъявляла претензии по устройству уволенных мне как ученому секретарю. В общем, как-то мы выкрутились, но вот несколько человек все-таки пришлось уволить. Словом, с Кедровым было очень трудно работать. Но отчасти с С. Р. Микулинским то же самое... Я была еще в Ленинграде, а он был замдиректора, и Кедров ему многое поручал. А когда были все эти неприятности с увольнением, Микулинский говорил: «Да мы эту Павлову уберем, выгоним ее...». Вот так...

—Галина Евгеньевна, Вы много ездили за границу, расскажите, пожалуйста, немного об этом.

Отдельная полоса — это мои путешествия вместе с сотрудниками Института по зарубежным странам. Вот однажды, находясь в ГДР, мы присутствовали в шикарном дворце на приеме у Гротеволья в Берлине. Прием был на самом высоком уровне. У подъезда кричали: «Машина такого-то, машина такого-то!» Наша делегация, по-моему, была человек 6 из нашего Института и человек 6 — из Института географии. Эти географы — прожженные путешественники. Один из них был связан с немецкими учеными из Университета Гумбольдта, и он мне говорит: «Сейчас, Галина Евгеньевна, я вас представляю Отто Гротеволью». И так быстренько-быстренько меня за руку и к Гротеволью. Он стал ему что-то говорить по-немецки про меня. Я, конечно, ничего не понимала. А Гротеволь кивал, а потом пожал мне руку, и вот знакомство состоялось.



В Шотландии, 1977 г. Слева направо: Г. Е. Павлова, З. К. Соколовская, Е. М. Сенченкова, М. М. Романова, Л. Г. Давыдова

А потом был великолепный банкет, а Николай Александрович Фигуровский немножечко перебрал. А там стояли роскошные гортензии в горшках... (Может, это не рассказывать?) Мы были вместе с моей близкой подругой Юдифью Ефимовной Копелевич... И вдруг Николай Александрович вырывается из группы и вытаскивает из горшка огромную гортензию... А там корни, и как тряхнул на всех, а мне вот сюда... за пазуху. А я была в сером костюме. Стою... вся в земле, трясу, с меня сыплется земля. Все смотрят, а я вообще не знаю, что делать. Фигуровский говорит: «А пусть эти немцы смотрят, я их всех...» Он ведь воевал. Это был 1958 год — юбилей Гумбольдта. Мы впервые выехали за рубеж. Это, знаете, была редкость. Там были шикарные приемы. Мы ходили в театр. В общем, мы окунулись в научную и культурную среду. Посмотрели и сравнили... У них только одно здание на Маркштадтплаце

было разрушено. Его специально не восстанавливали — как напоминание о войне. Там полно товаров. А у нас — полная разруха и пустые магазины. Мы, конечно, были потрясены... Мы ездили в ГДР в составе делегации Академии наук, возглавлял ее академик Д. И. Щербаков — географ. Мы путешествовали по Восточной Германии. Побывали, конечно, в Дрездене. Он тогда был еще разрушенный. Картины в галерею наши уже передали, и мы смогли посмотреть.

— Галина Евгеньевна, так получилось, что Ваша жизнь проходила в двух замечательных городах. Все-таки Вы ленинградка или...?

После того, что пришлось пережить в Ленинграде... Конечно, Ленинград — это все родное... Знаете, там, где родился, как говорят, там и пригодился. Меня с Ленинградом не только могилы моих близких связывают. Здесь прошла вся моя со-



З. К. Соколовская и Г. Е. Павлова у Ниагарского водопада, 1961 г.

знательно-молодая жизнь. Но в Москве я тоже прижилась: есть наш Институт, моя подруга еще по Ленинграду Зинаида Кузьминична Соколовская. Мы с ней часто ездили за границу. Когда люди бывают вместе за рубежом, то там человек раскрывается целиком. Не спрячешь ничего, все наружу. Особенно в те времена, когда не было никаких денег, когда нас чуть ли не через сито сеяли... Мы знали, что за нами подсматривают, поэтому в таких случаях взаимовыручка незаменима. Вообще у нас с ней дружба такая верная, думаю, что до конца дней.

Москва — это совсем другой город, нежели Ленинград. Сейчас там тоже выросли новые районы. Раньше я приезжала в Москву, как в другое государство, вообще ничего не знала. Знала только, где находились издательства. А вот сейчас она такая ухоженная... Я в Ленинграде не была уже почти три года. Хотелось бы съездить, сходить на кладбище, в архивы. Вот так. Хорошо то, что хорошо заканчивается. Но, к сожалению, жизнь неумолима. Годы идут, воспоминания остаются, но они уже как-то преломляются в другом свете.

— *А не пора ли писать воспоминания?*

Написать? Вы знаете, некогда. Если появится просвет... А так все какие-то дела, дела, дела... То одно, то другое. Пока у меня таких планов нет. Слушайте, мы уже часа три сидим! Давайте мы лучше встретимся еще, и я расскажу вам о своих встречах с учеными: с В. А. Кириллиным, с А. Ф. Шейндлиным, с Л. А. Арцимовичем... Про юбилей Ломоносова, я ездила в Архангельск, на его родину — это все очень хорошие и интересные воспоминания.

— *Это было бы замечательно!*

Если у вас будет желание выслушать мои отрывочные воспоминания, то я, конечно, готова. Я и с семьей Келдыша была знакома, я знала хорошо его жену, сестру. Это была очень интересная семья...

— *Что же М. В. Келдыш хотел практически закрыть наш Институт, предлагая радикальное его сокращение?*

Я думаю, что это не он. Ему кто-то подсказал, потому что он сам по себе был

человек не кровожадный. Наверное, из ЦК сказали, что нужно сократить...

— Ну что Вы! Он что, не понимал, что, выступая в июне 1963 г. на Пленуме ЦК КПСС, да еще к тому же на Пленуме, посвященном идеологическим задачам партии, и приводя в пример наш Институт, подставлял нас под уничтожение. В его докладе речь шла о радикальном сокращении численности штатных сотрудников и развитии так называемых общественных начал в научном и техническом творчестве в разных областях — математике, географии, астрономии, ботанике, истории, этнографии, литературоведении, языковедении и т. д. Все это, конечно, в русле «реформаторских» идей Н. С. Хрущева об упразднении АН СССР. Но в качестве примера (единственного!) в речи Келдыша фигурировал именно наш Институт. Правда, потом президент АН СССР М. В. Келдыш радикально изменил свое отношение к нашему Институту и к истории науки. Вообще эта история еще до конца не ясна, и ее нужно специально изучить.

Да, нужно... Но тут Кедров еще масло в огонь подливал, что надо сокращать, и все тут. Это были уже 60-е гг. Все как-то переплелось сложно. С Кедровым трудно было сладить. У него были идеи, которые явно шли вразрез с направлениями нашей деятельности, но он считал, что он прав. А вообще мне посчастливилось встретиться с хорошими людьми. Я была на 50-летнем юбилее Ю. А. Овчинникова. Это был уникал... С Петром Николаевичем Федосеевым была хорошо знакома, знала хорошо его жену, бывала у них дома. К нему я относилась... это, наверное, нехорошо, но это не тот ученый, с которыми я раньше имела дело...

— Итак, Галина Евгеньевна, вторая серия Ваших воспоминаний — это...
Рассказы об ученых.

— *Очень хорошо. А нынешний Ваш рассказ мы превратим в текст и попросим его посмотреть и отредактировать...*

Может быть.

— *Договорились.*

Да, если представляет интерес. А может быть, это никому и не понадобится.

— *Понадобится. Огромное спасибо за Ваш интересный рассказ.*

Пожалуйста. Как раз в 3 часа и уложился.



Г. Е. Павлова с мужем —
Григорием Гайковичем Чахмахчевым.
Дом отдыха «Сосны», 1989 г.

После интервью мы попросили Галину Евгеньевну сфотографироваться на память о встрече. И вот что получилось.

Два слова об этом интервью. Расшифровка несколько отличается от опубликованного текста. Галина Евгеньевна с самого начала перешла к рассказу о своей работе и об Институте. Перебивать ее плавную речь было не очень уместно, да и не хотелось. Когда мы расшифровали запись и передали Галине Евгеньевне, она сказала, что хотела бы ее отредактировать, объединить



Г. Е. Павлова с молодежью (слева направо): О. А. Валькова, Ю. М. Белова, А. А. Жидкова; в центре К. А. Ляшенко. Москва, ИИЕТ РАН, 6 июля 1999 г. Фото С. С. Илизарова

рассказ о детстве и юности, о блокаде, сделать текст более последовательным и читабельным. Она взялась за эту работу, и мы по согласованию с редакцией ВИЕТ готовили публикацию в № 3, 2000 г., — то есть к ее юбилею. Но сил у Галины Евгеньевны оставалось совсем немного.

Г. Е. Павлова — человек мужественный, сдержанный, всегда с открытой улыбкой и внешне никогда не унывающий. В апреле она позвонила и сказала, что никак не успевает: работы очень много, а сил мало. Стало ясно, что дела совсем неважные. Я впервые за многие годы услышал от Галины Евгеньевны о том, что она устала.

Очевидно, Галина Евгеньевна работала над текстом, но в ее архиве, который осенью 2000 г. был передан Г. Г. Чахмахчевым в ИИЕТ, этого документа пока не удалось обнаружить. Поэтому пришлось взять на себя смелость поработать над воспоминаниями Г. Е. Павловой.

Кое-что, в основном неизбежные повторы, мы сократили. Некоторые слова, уместные в устном тексте, но не очень удобные в письменном, мы заменили. В интервью не все фамилии отчетливо слышны, имена, как правило, не назывались. Поэтому пришлось сделать несколько уточнений и дополнений. В отдельных случаях показалось необходимым дать минимальные подстрочные примечания.

Полные аудио- и видеозаписи последнего интервью Г. Е. Павловой хранятся в Информационно-аналитическом центре «Архив науки и техники» ИИЕТ РАН.

Беседу вел С. С. Илизаров